

УДК 81:008

ГАНСВУРСТ И ПЕТРУШКА В КОНТЕКСТЕ НАРОДНОЙ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ АВСТРИИ И РОССИИ

М.Е. Федотова

Тверской государственный университет, Тверь

Рассматривается история развития образа народного шута в культурной традиции Австрии и России, определяются универсальные и национально-специфичные характеристики героев смехового театра.

Ключевые слова: *смех, народная смеховая культура, шут, комический персонаж, народный театр.*

«Жрец величав и строг, он ключ от тайн, творящихся на свете,
А шут – раскрыт и прост, как луч, животворящий тайны эти.»

Игорь Губерман

Вводные замечания

Смех является неотъемлемой составляющей культуры и характеризуется сложной и многогранной природой. Сопровождая человечество на протяжении всей истории его существования, смех впитывает в себя черты каждой конкретной эпохи, приобретает наряду с универсальными характеристиками яркие национально-специфичные черты [3: 7]. Мирозрение и мироощущение каждого народа находят выражение в разнообразных формах культуры смеха, противостоящих официальной культуре церкви и государства. М.М. Бахтин сводит всё необычайное многообразие форм и проявлений народной смеховой культуры к трём основным видам форм: обрядово-зрелищные формы; словесные смеховые произведения; различные формы и жанры фамильярно-площадной речи [1: 6, 7]. Яркими представителями народной смеховой культуры Австрии и России, задействованными во всех перечисленных формах её выражения, являются неунывающие шуты и весельчаки Гансвурст и Петрушка.

История шутовского образа

История шута и комического героя Гансвурста тесно связана с процессом формирования австрийского театра и насчитывает около 500 лет. Своим появлением Гансвурст обязан труппам бродячих актёров-импровизаторов, которые в XVI веке странствовали по городам и сёлам Австрии, устраивая представления с комическими сценками, акробатическими и танцевальными номерами. Главным действующим лицом этих комических интермедий, объединяющим разнородные части представления, стал шутовской персонаж Гансвурст. Благодаря тому, что австрийские актёры вкладывали в образ Гансвурста черты характера

простого народа, он выгодно отличался от своего немецкого собрата, превратившегося в грубую театральную маску [9: 54–55].

В начале XVIII века Гансвурст после долгих лет странствий прибыл в театральную столицу Австрии Вену. Его крестным отцом на венских подмостках можно назвать блестящего актера и драматурга Й.А. Страницкого (Josef Anton Stranitzky, 1676–1726). В 1710 году Страницкий открыл в Вене первый стационарный народный театр в здании Театра у Каринтийских ворот («Kärntnertortheater») и начал сам выступать в шутовском амплуа. Гансвурст Страницкого стал главным героем комической, т.е. импровизационной части его пьес. По мнению А.В. Михайлова, именно «в такой импровизации проявлялась народность австрийской культуры, которая была богата своим бесконечно живым, свежим восприятием вещей реального мира и была чужда всякого ханжества и лицемерия» [4]. Однако триумф Гансвурста в интерпретации Й.А. Страницкого и его последователей был непродолжительным. Начиная с 1730-х годов, фигура шута всё чаще подвергалась гонениям со стороны литературных критиков и властей, руководствующихся просветительскими идеями. Вместе с другими шутами Гансвурст был изгнан из рационалистического театра XVIII века.

Будучи вытесненным из Вены, народный театр разместился на её окраинах, например, в венском Пратере – парке развлечений, сохранившем в своём неофициальном названии «Wurtslprater» память о Гансвурсте [11: 53]. Выступления актёров-импровизаторов часто отражали оппозиционные настроения австрийского населения, что привело в 1770 году к усилению цензурного гнёта и запрещению сценической импровизации [9: 55]. Многолетнее противостояние между австрийской цензурой и защитниками традиций народного фарса вошло в историю австрийской культуры как «Гансвурстовский спор» (Hanswurst-Streit), а главным оппонентом Гансвурста в этом споре стал советник императрицы Марии Терезии в вопросах культурной политики Й. Зонненфельс (Joseph Freiherr von Sonnenfels, 1732–1817). По убеждению Зонненфельса, «всё смешное и комическое вызывало к себе подозрение; при нём австрийским театрам было запрещено выводить в смешном свете <...> чертей и полицейских, чтобы простой народ не позабыл о своём страхе перед ними» [4].

Однако у опального Гансвурста нашлись защитники. Так, писатель и литературный критик Ф. Хафнер (Philipp Hafner, 1735–1764), положивший начало «народной пьесе» как новому жанру, тщательно фиксировал тексты комических ролей и сумел спасти фигуру Ганса Вурста, придав ему более благопристойный вид [11: 156]. Благодаря усилиям авторов и актёров, симпатизировавших венскому Гансвурсту, этот персонаж смог, в отличие от изгнанного со сцены немецкого Гансвурста, перейти в комедию XIX века и выйти в новом, укрощённом виде на ку-

кольные подмостки. Однако со временем Гансвурст утратил былую популярность и был вытеснен такими комическими персонажами, как Касперль и Штаберль. Лишь после 1945 года Гансвурст был реабилитирован благодаря усилиям австрийских краеведов и фольклористов Г. Гугитца (Gustav Gugitz, 1874–1964) и О. Роммеля (Otto Rommel, 1880–1965). Научные труды исследователей австрийской смеховой культуры в значительной мере способствовали популяризации образа Гансвурста, воплощающего, по их мнению, дух Вены и австрийский национальный характер [цит. раб.: 20].

История русского шута Петрушки уходит корнями в скоморошество, появившееся на Руси в XI веке и достигшее расцвета в XV–XVII веках. В начале XVII века странствующие немецкие шпильманы принесли в Россию новый персонаж – Гансвурста, который был принят в репертуар скоморохов под именем Петрухи Фарноса и вскоре стал одним из любимых шутовских героев. От Гансвурста Фарнос усвоил также верховую езду на «виноходной» свинье и остроконечную шапку, которая, в свою очередь, происходила от итальянского шутовского героя Пульчинеллы. От Пульчинеллы Петрушка получил также свой необычный облик: тёмный цвет лица, нос с горбинкой и большие чёрные миндалевидные глаза [10: 343].

Первое упоминание о кукольном персонаже, похожем на Петрушку, мы находим в описании путешествия в Московию немецкого дипломата А. Олеария в 1636 году. Д.А. Ровинский так описывает эту зарисовку:

«... мужик, подвязав к поясу женскую юбку с обручем в подоле, поднял её кверху — юбка эта закрывает его выше головы, он может в ней свободно двигать руками, выставлять кукол наверх и представлять целые комедии. <...> В картинке, на переносной юбочной сцене, нетрудно различить дошедшую до нашего времени классическую комедию о том, как цыган продавал Петрушке лошадь» [7: 190, 191].

В XVII веке во время царствования Алексея Михайловича появился придворный театр, а вслед за ним – театр устной народной драмы и стали использоваться простейшие формы кукольного театра, пришедшие на смену кукольному вертепу. Устная народная драма того времени развивалась преимущественно стихийно, в направлении от «малых» жанров к «большим». Примером подобного развития служила сатирическая кукольная комедия о Петрушке, представлявшая собой в сюжетном плане историю наказанного грешника [2: 305].

В XVIII веке у кукольного Петрушки появился реальный прототип – любимый шут императрицы Анны Иоанновны неаполитанец Пьетро-Мира по прозвищу Педрилло. При дворе у шута было несколько прозвищ, одно из которых – «Петрушка» – закрепилось впоследствии во всех кукольных балаганах [7: 218, 219].

Б.П. Голдовский предлагает несколько версий возникновения имени «Петрушка». По одной из них, герой комедии мог перенять своё имя от древнерусского шута Видушака, на которого Петрушка похож и внешностью, и характером. Кроме того, своё имя кукольный герой мог заимствовать у актёров-кукольников, представления которых были популярны в XVIII веке, например, у Петрушки Иванова или Петра Якубовского. Принимая во внимание тот факт, что Петрушка является потомком Пульчинелло, имя которого переводится с итальянского как «петушок», автор заключает, что «этот герой – горластый забияка в красном колпаке, с петушиным профилем, нередко изображавшийся верхом на петухе, сам – вылитый петух, мог позаимствовать у него вместе с характером и имя. Ведь в России всякий петух – Петя» [2: 306].

На протяжении XVIII–XIX веков Петрушка оставался непременным участником уличных представлений. «Водить» его могли только мужчины – «петрушечники». В это время у Петрушки появились новые имена – его стали называть Петр Иванович / Петрович Уксусов / Самоваров или Ванька Рататуй, подобно тому как многие европейские шуты получали прозвища по названиям блюд и приправ [цит. раб.: 306]. Типичный хрипловатый визгливый голос кукла приобретала с помощью особого приспособления – «пищика», или «говорка».

В начале XX века театр Петрушки начал разрушаться. Петрушка перестал быть лишь уличным артистом, его всё чаще приглашали в господские дома, и он утратил свою остроту, привлекавшую толпы зрителей. Петрушка стал участвовать в детских праздниках, тем самым превращаясь в детский персонаж [цит. раб.: 307]. В советское время кукла сошла со сцены, став героем плакатов и литературных произведений. Теперь из Петрушки делали либо «несознательного элемента», перевоспитывавшегося к концу спектакля, либо борца с классовыми врагами и негативными явлениями быта. Изменился и облик куклы. Красный камзол превратился в косоворотку или гимнастерку, на голове появилась фуражка или «будёновка». Некогда длинный горбатый нос постепенно укоротился и стал курносым [6]. В 1922 году реанимировать образ Петрушки взялся С.Я. Маршак. В его сборнике пьес появилась кукольная комедия «Петрушка», а через пять лет вышла в свет пьеса «Петрушка-иностранец». Несмотря на то, что С.Я. Маршак окончательно закрепил образ Петрушки как детский, ему удалось восстановить традицию попадания героя в нелепые истории. А главное, Петрушка Маршака вновь стал обличителем времени, бесстрашным героем, бросающим вызов судьбе. В наши дни Петрушка встречается всё реже, на народных праздниках и за ширмой кукольного театра он уступил место другим комическим героям. Сегодня в России существует лишь несколько театров, возрождающих традиции балаганного кукольного представления, например, петербургский театр «Бродячий вертеп» А. Грефа.

Примечательна внешность комических героев. Так, созданный Й.А. Страницким Гансвурст был одет как настоящий зальцбургский крестьянин: красная куртка с белым воротничком с оборками и пышными рукавами, на переднике с монограммой HW сердце на зелёном поле, жёлтые шаровары, зелёная остроконечная шляпа, на спине – ранец в виде колбасы, за поясом – кнут [2: 109]. Первоначальный вид Петрушки был не менее ярким: красная рубаха, холщовые штаны, остроконечный колпак с кисточкой, огромный крючковатый нос, игрушечный горб и дубинка-колотушка [цит. раб.: 305].

В натуре Гансвурста воплотились все пороки человека: обжорство, глупость, драчливость, похотливость, трусость, подхалимство и неуважение к существующим нормам и запретам [12]. Петрушка под стать своему австрийскому собрату: он труслив, драчлив, задирист, похотлив и любит приврать. Е.В. Сперанский размышляет над вопросом, почему эти отрицательно заряженные персонажи оставались любимыми героями народных увеселений на протяжении нескольких веков:

«А он сам? (Петрушка – М.Ф.) <...> Он шире понятий “отрицательного” и “положительного”: народ выдумал его себе на забаву и на страх властям предрержащим. Он негативен, жесток, сатиричен и в то же время возбуждает к себе какую-то щемящую нежность. Образ его противоречив и трагикомичен: он складывается из неживой природы куклы, ожившей в гневе и смехе народном» [5: 452].

Этимология обозначений

Прослеживая этимологию имён «Гансвурст» и «Петрушка», интересно отметить, что имя «Гансвурст» существует несколько дольше, чем сценический тип. Так, по данным электронного банка WortSchätze, наименование Hans Wurst появилось в языке примерно в 1500 году как прозвище неуклюжего толстого человека [<http://wortschaetze.uni-graz.at/de/wortschaetze/>]. Первое письменное упоминание имени было зафиксировано в 1519 году в произведении С. Бранта (Sebastian Brant, 1457–1521) «Корабль дураков» («Narrenschiff»), ср.: «ich kenne noch eynen, de heth Hans Wurst, de will all welt des über reden». В 1541 году Мартин Лютер в трактате «Против Ганса Вурста» («Wider Hans Worst») охарактеризовал это слово как употребительное и признался в том, что часто его использует во время проповеди по отношению к глупцам, которые хотят казаться умнее, однако говорят и действуют при этом весьма неуклюже:

«Denn du <...> weissest wol <...> das dis wort / Hans Worst / nicht mein ist / noch von mir erfunden / Sondern von andern leuten gebraucht wider die groben tolpel / so klug sein wollen / doch ungereimbt und ungeschickt zur Sachen reden und thun» [13].

Именно эти качества адресата бранного слова «Гансвурст» – глупость, болтливость и хвастовство – сыграли, на наш взгляд, решающую роль при выборе имени для шутовского персонажа в конце XVI века. В современном немецком языке это слово используется, как правило, в пейоративном значении, ср.: «Unsere *Hanswürsteln* schauen ängstlich nach Brüssel und lassen lieber halb Afrika zu uns rein» [<http://www.unzensuriert.at/>].

Имя главного персонажа русских народных кукольных представлений известно лексикографам с начала XVII века, позднее «петрушкой» стали называть театр, в котором разыгрывались народные увеселительные представления. Со временем появились переносные значения слова: «тот, кто паясничает, ведёт себя как шут» и «разг. нечто странное, нелепое, смешное» [8]. Последнее значение актуализируется в следующем примере:

Однажды приехали внуки к старушке,
Взглянули на грядку высокой петрушки.
– Да это ж крапива! – сказали внучки. –
Купить тебе, бабушка, нужно очки!
И грядку скосила старушка, вздыхая:
– Ну надо же ВЫШЛА ПЕТРУШКА КАКАЯ!

(А.А. Карпов «Вот какая петрушка!»)

Шутовской язык

Образы Гансвурста и Петрушки были бы неполными без рассмотрения особенностей их языкового воплощения. Так, Гансвурст неграмотен и открыто признаётся в своей невежественности и ограниченности мировоззрения:

«Ich habe in meinem ganzen Leben kein moralisches Buch, wodurch das Gefühl der Menschheit erweckt und gereizt worden, gelesen; nie den Menschen studirt; von Pflichten und Religion keine Silbe gelernt. So viel ich mich aus dem elterlichen Unterricht noch erinnern kann, hatte ich den Nebenmenschen für einen gefährlichen Feind zu halten. Daher konnt ich niemand, als nur mich selbst, lieben. Meine Erfahrung und Weltkenntnis erstreckt sich nicht weiter als vom Wirthshaus auf das Theater». (F.J. Villikus «Der Hannswurst und der Frosch»)

Соответствуя ролевым клише о необразованности слуги, авторы и актеры-импровизаторы включают в речь Гансвурста многочисленные ошибки, оговорки, перевёртыши, паронимасы, используют приём игры слов для создания неповторимого речевого портрета персонажа. Так, в анонимных пьесах о Дон Жуане Гансвурст получает от своего господина приказ разузнать как можно больше о странно одетом человеке, представившимся лесным братом (*Waldbruder*) и отшельником (*Einsiedler*). В последующем разговоре Гансвурст до неузнаваемости искажает эти слова, образовывая всё новые перевёртыши, ср.: «*Waldluder*», «*Bier-*

fiedler», «Leimsieder», чем вызывает гнев господина и смех публики [11: 110]. Вместе с тем, Гансвурст не упускает возможности произвести впечатление образованного человека и продемонстрировать свои познания в науках, ср.:

HANSWURST *verwirrt*. Verstehen sie die Ortographie?

ODOARDO Was ist das die Ortographie?

HANSWURST: Die Landkarten. <...> Nun, ich will ihnen eine kleine Beschreibung von meines Herrn seinen Landgütern machen, er residirt zu Maltha.

ODOARDO Wo liegt das Maltha?

HANSWURST Maltha? das liegt noch in Ober-Oesterreich.

(Ph. Hafner «Mägera 1»)

Речи Петрушки присущи черты разговорного стиля. Так, его песня из лубочной пьесы С. Черного «Петрушка в Париже» изобилует словами, употребление которых некорректно, ср.:

ПЕТРУШКА (*становится в позу и поёт речитативом*):

Наш приют в кафе «Ротонде»,—

В артистическом бомонде,

Средь художников корявых

И поэтов шепелявых ...

Там, под стол поджавши ножки,

Сядем тихо у окошка

И возьмём на две персоны

Чашку чаю без лимона.

В данном фрагменте используется такой излюбленный приём авторов петрушечных текстов, как стилистический сбой – присутствие в одном предложении слов, относящихся к разным стилевым регистрам, ср. *персона* (книжн.), *бомонд* (устар.), *корявый* (разг., прост.).

На смеховой эффект рассчитано слишком быстрое переключение героя с мелиоративной оценки на пейоративную, ср.:

ПЕТРУШКА. Шавочка, душечка, орёлочка! Не тронь меня, не тронь!

СОБАКА. Гам! (Хватает Петрушку за нос и тащит.)

ПЕТРУШКА. Ай, ай, ай, ай! Нос оторвёшь, поганая собака!

(С.Я. Маршак «Петрушка»)

Заключение

Гансвурст & Петрушка. Австрийского Гансвурста и русского Петрушку связывают общие корни и необычайное сходство судеб. За многовековую историю шуты поменяли множество обликов. Они неоднократно становились свидетелями или участниками драматических событий, подвергались гонениям со стороны официальной культуры, переживали взлёты и падения. XX век стал серьёзным испытанием в их судьбе, однако благодаря деятельности сподвижников, прилагающих все усилия для сохранения народного смехового театра, Гансвурст и

Петрушка возрождаются к новой жизни. Основа смехового творчества Гансвурста и Петрушки первоначально носила импровизационный характер, вследствие чего к актерам, исполнявшим их роли, предъявлялись очень высокие требования. Из устных народных комедий персонажи со временем переключались на страницы литературных произведений, утратив при этом былую остроту, но сохранив такие важные особенности шутовской личности, как бунтарский дух и народную смекалку.

Активное функционирование полисемантических слов Гансвурст и Петрушка в языке привело к тому, что оба имени стали ядром разветвленных словообразовательных парадигм. Так, в австрийском варианте немецкого языка отмечены многочисленные примеры композитов с инициальным компонентом Гансвурст, ср.: Hanswurst- / -Donjuaniade, -Bernandoniade, -theater, -darsteller /-spieler, -streit, -spiel, -hose, -figur, -Prater, а также производных с суффиксами -lein /-chen, -iade, -erei, -isch, -in, -el, -mäßig. Основа *петруш-* также включена в словообразовательные процессы и используется в качестве производящей для образования глаголов, существительных и прилагательных, ср. *петрушиничать, Петрушечка, петрушечник, петрушечный*.

Гансвурст VS Петрушка. Говоря о различиях между Гансвурстом и Петрушкой, следует отметить различную форму сценического воплощения: Петрушка – герой кукольного театра, перчаточная кукла или марионетка; роль Гансвурста исполняет актер, лишь в XIX веке он ненадолго попадает на кукольные подмостки. Различной является также последовательность возникновения значений в структуре полисемантического слова: в австрийском варианте прозвище послужило основой для имени шута, в русском варианте имя шута стало позднее метафорически использоваться в функции пейоративного наименования.

Таким образом, Гансвурст и Петрушка – два различных и, вместе с тем, очень похожих между собой шута и комических персонажа продолжают своё театральное шествие по Австрии и России, связывая воедино историю и современность народной смеховой культуры.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Изд-во «Художественная литература», 1965. 525 с.
2. Голдовский Б.П. Куклы: Энциклопедия. М.: Время, 2004. 496 с.
3. Лихачев Д.С. Смех как мировоззрение // Смех в древней Руси / Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Л.: Наука, 1984. С. 7–71.
4. Михайлов А.В. Австрийская литература XVIII века [Электронный ресурс] // Избранное: Феноменология австрийской культуры / А.В. Михайлов. СПб.: Университетская книга, 2009. 392 с. URL: <http://www.xliby.ru/>

- kulturologija/izbrannoe_fenomenologija_avstriiskoi_kultury/p1.php (дата обращения: 25.09.2014).
5. Некрылова А.Ф., Савушкина Н.И. Народный театр. М.: Сов. Россия, 1991. 544 с.
  6. Образцов С. Моя профессия. М.: Зебра, АСТ, 2009. 637 с. URL: <http://profilib.com/chtenie/96294/sergey-obraztsov-moya-professiya.php> (дата обращения: 25.09.2014).
  7. Ровинский Д.А. Русские народные картинки. СПб.: Тропа Троянова, 2002. 342 с.
  8. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2004. 960 с.
  9. Театральная энциклопедия. Том 1 / гл. ред. С.С. Мокульский. М.: Советская энциклопедия, 1961. 1214 с.
  10. Театральная энциклопедия. Том 4 / гл. ред. П.А. Марков. М.: Советская энциклопедия, 1965. 1151 с.
  11. Müller-Kampel В. Hanswurst, Bernardon, Kasperl. Spaßtheater im 18. Jahrhundert. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2003. 258 S.
  12. Müller-Kampel В. Hanswurst, Bernardon, Kasperl. Österreichische Gegenentwürfe zum norddeutsch-protestantischen Aufklärungsparadigma // Komik in der österreichischen Literatur / Hrsg. von Wendelin Schmidt-Dengler u.a. Berlin: Erich Schmidt, 1996. S. 33–55.
  13. Rieder С. Der Hanswurst: ein Basler? [Электронный ресурс] URL: <http://www.baselinsider.ch/jahreshighlights/basler-herbstmesse/der-hanswurst-ein-basler.html> (дата обращения: 29.09.2014).

HANSWURST AND PUNCH IN THE CONTEXT OF AUSTRIA AND RUSSIA POPULAR LAUGHTER CULTURES

M.E. Fedotova

Tver State University, Tver

The paper considers historical evolution of the folk tomfool image in the cultural traditions of Austria and Russia. Universal and nationally specific features of the popular laughter theatre characters are described.

Keywords: *laughter, culture of popular laughter, fool, laughable character, folk theatre.*

Об авторе:

ФЕДОТОВА Марина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Тверского государственного университета, e-mail: fedotova_marina@mail.ru